

ДВУЯЗЫЧИЕ BILINGUALISM

АНГЛО-РУССКИЕ СОЧИНЕНИЯ АНАТОЛИЯ ЦУКЕРМАНА
ENGLISH-RUSSIAN WRITINGS BY ANATOL ZUKERMAN

ANATOL ZUKERMAN

BILINGUALISM

English-Russian writings by Anatol Zukerman

АНАТОЛИЙ ЦУКЕРМАН

ДВУЯЗЫЧИЕ

Англо-русские сочинения Анатолия Цукермана

Copyright © 2021 by Anatol Zukerman

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder except for the brief quotations in a book review.

ISBN 978-1950319930

Library of Congress Control Number: 2022945698

Published by M•Graphics | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

In cooperation with

Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Book Design by Yulia Tymoshenko © 2022

Cover and Text Illustrations © by Anatol Zukerman

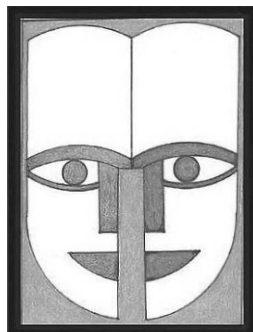
Printed in the United States of America

ДВУЯЗЫЧИЕ BILINGUALISM

Англо-русские сочинения Анатолия Цукермана
English-Russian writings by Anatol Zukerman

БОСТОН • 2022 • BOSTON

«Две головы, два сердца,
Всем верят, на всё надеются».

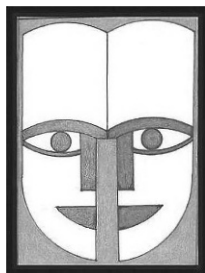
“Two tongues and two hearts live in this ring,
Trust everybody, hope for everything.”

Antelope / Antelope

Содержание / Content

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОСТЫ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ВРАГАМИ	9
LITERARY BRIDGES BETWEEN POLITICAL ENEMIES	19
FROM PUSHKIN TO OKUDJAVA	
Alexander Pushkin • Александр Пушкин	24
Mikhail Lermontov • Михаил Лермонтов	33
Alexander Blok • Александр Блок	37
Vladimir Mayakovsky • Владимир Маяковский	50
Marina Tsvetayeva • Марина Цветаева	58
Anna Akhmatova • Анна Ахматова	65
Osip Mandelstam • Осип Мандельштам	69
Nikolai Gumiliov • Николай Гумилёв	74
Vladislav Khodasevich • Владислав Ходасевич	76
Boris Pasternak • Борис Пастернак	79
Sergei Yesenin • Сергей Есенин	81
Alexander Galich • Александр Галич	89
Evgheny Evtushenko • Евгений Евтушенко	93
Victor Nekipelov • Виктор Некипелов	96
Novella Matveyeva • Новелла Матвеева	98
Joseph Brodsky • Иосиф Бродский	101
Bulat Okudzhava • Булат Окуджава	105
ВОСКРЕШЕНИЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ / RESURRECTION OF MARINA TSVETAEVA	110
МОЙ ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ МИЛНБУРГСКОГО КЛУБА 14 НОЯБРЯ 2021 Г.	124
THE STORY BEHIND THE STORY (BULGAKOV AND STALIN)	131
ИСТОРИЯ, СКРЫТАЯ ЗА ИСТОРИЕЙ (БУЛГАКОВ И СТАЛИН)	139

Twisting an alien poetry po**T**,
Rattling its rusty cove**R**,
Assaulting dried out flor**A**,
Nibbling at long gone fu**N**,
Stirring unmatchable sound**S**,
Listening to their jest and gal**L**,
Ambling inside their uncanny aur**A**,
Teetering at the border of trust**T**,
Imagining substitutes for mag**I**,
Offering them to finicky Erat**O**,
Nagging oblivious Pa**N**.

Литературные мосты между политическими врагами

Эта статья была опубликована на Пятом Международном Конгрессе переводчиков художественной литературы в Москве, в 2018-м году. Конгресс проходил под заголовком «Перевод как средство культурной дипломатии». На конгресс съехались 250 переводчиков из 30 стран, 60 из них, включая меня, сделали доклады. Недавно эта программа, к сожалению, прервалась из-за войны в Украине, но война эта рано или поздно закончится, и международное общение с Россией будет, несомненно, восстановлено.

В ожидании такого счастливого события я продолжаю переводить русскую поэзию на английский язык, создавая литературные связи между двумя враждующими сверхдержавами. Эта вражда усиливается ещё и тем, что российское правительство не прекращает преследовать диссидентов и усиливает литературную цензуру. Когда я говорил об этом в своём докладе, меня прервали и на следующий Конгресс не пригласили.

Тем мне менее, мой голос был услышан в русскоязычном обществе Соединённых Штатов и других стран. Как профессиональный художник, я иллюстрирую свои переводы картинами, которые перевода между языками не требуют. Все мои картины, включённые в текст этой статьи, выставлялись в американских центрах живописи. Я живу в США 49 лет, в России жил первых 35 лет, но после развала Советского Союза много раз ездил в Москву и продолжаю общаться с российскими друзьями и родственниками.

Двуязычная поэзия — это особый жанр перевода. Для тех, кто знает приёмный язык как родной, писать на обоих языках легко и естественно. Этот процесс можно назвать скорее переходом, чем переводом. Являясь автором обоих стихотворных

композиций, я переделываю их одновременно. Если я пишу на родном русском, то одновременно думаю на приённом английском. И наоборот, если я пишу по-английски, я думаю, как это будет звучать по-русски. В отличие от прямого перевода, двуязычный предоставляет переводчику большую свободу.

После развала Советского Союза поток американизмов хлынул в Россию вместе с поднятием железного занавеса. Множество английских слов типа компьютер, маркет, профит, эксклюзив, спонсор, ваучер, маржа, рэйд, дефицит, и т.п. вошли в ежедневное употребление. В то же время несколько миллионов российских граждан, включая меня, переселились в англоязычные страны. Все мы были вынуждены говорить и писать на двух языках. Наряду с моей архитектурной работой я занялся переводами и организовал серию вечеров «Культурные мосты» в библиотеке города Ньютон, штат Массачусетс. Меня учили писать Массачузеттс Как видите, эта тема занимает меня до сих пор.

Стихотворение «Мост» было написано во времена Советского Союза, но позже переделано в соответствии с совершенствованием моего английского языка.

Мост

Ноги мои шагают по Бостону,
ищут обещанную свободу слова,
а голова болит в подмосковной осени
от водочки воровского разлива.

Надо мною летает обрезанный Киссинджер,
провозя в ССР свой тяжёлый живот,
а там наш любимый товарищ Косыгинджер
его троекратно целует и врёт.

Групповые автобусы разных туристов
ездят по мне бесконечным кольцом,
покупают жён, матрёшек, юристов,
продают капитал с человеческим лицом.

THE BRIDGE

My feet walk around enlightened Boston
in search of the promised freedom of speech,
my head aches in the Moscow's autumn
from vodka sold by a criminal bitch.

Above me flies circumcised Doctor Kissinger
bringing his gut to the USSR,
and there our beloved comrade Kosyginger
kisses the lying American star.

Cars and buses of curious tourists
roll on my bones in the endless race,
buy Russian wives, matryoshkas and jurists,
Selling capital with a human face.

Вездесущие спутники с сателлитами
следят за моею моральной устойчивостью,
посылают сигналы с детальными фотами,
не дают стукачам успокоиться.

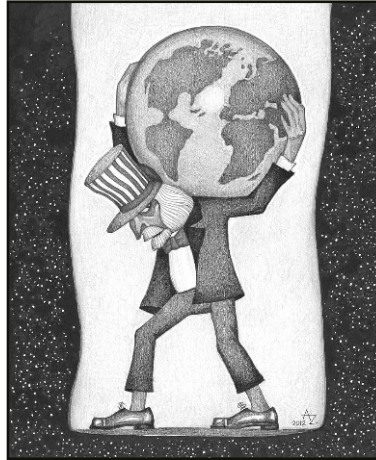
Смурной психиатр сопит и мигает
под больными глазами моих фонарей,
«Извини, — говорит, — я лечу людей,
мостам мои средства не помогают.

Если балки твои прогибаются
под ветрами холодной войны,
перестань, — говорит, — растягиваться
между воюющими сверхдержавами».

Omnipresent invisible satellites
Check the moral capacity of my studs,
sending verbal descriptions and slides
to interpreting spooks at the opposite sides.

A gloomy psychiatrist fidgets and cringes
under the force of my gloomy stares,
“Sorry,” he says, “I do not shrink bridges,
only pockets and heads.

If you think that your girders are bending
under the storms of the long Cold War,
stop stretching your aging bearings
between the belligerent superpowers.”

Большинство российских эмигрантов в Америке принадлежат к Республиканской партии, меньшинство, включая меня, считают себя Демократами. Наши политические споры накалены до предела. Однако мой акростих «Глобализация» нравится всем, кто не хочет платить налоги на военные расходы. Моя иллюстрация к этому стихотворению была опубликована в журнале «Глобалист» и стала там политическим символом.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Глобус лежит на плечах Америки,
 Легко ли приходится Дядюшке Сэму
 Обманом и силой держать этот мир,
 Болтать о законности ради захвата,
 Агитировать киллеров на демократию,
 Лавировать между правдой и ложью,
 Изыскивать новые средства для кризиса,
 Зигзагами ползать в тумане войны,
 Атаковать неповинных граждан,
 Целоваться с военными шейхами,
 Играя с диктаторами в поддавки,
 Явно и тайно возить им оружие?

GLOBALIZATION

Gasping under the weight of the Globe,
 Limping around in oversized shoes,
 Obfuscating his real intentions,
 Bending laws to fit his greed,
 Asking thugs to become democratic,
 Leaning to left, moving to right,
 Introducing financial crises,
 Ziggling and zagging through fog of wars,
 Attacking innocent citizens,
 Tickling the ego of murderous sheikhs,
 Inviting dictators to play crap checkers,
 Offering them sweet deals on weapons —
 Noble and powerful Uncle Sam.

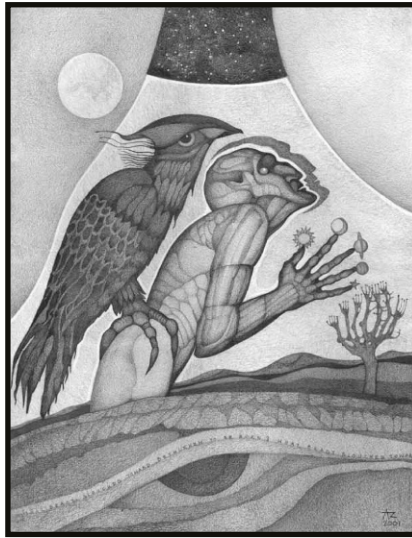
ДОЛЛАР

Сижу в кабаке, трясу головой,
 а доллар мне шепчет: «Мы верим в Бога».
 — Ты бы молчал, подколотный змей!
 Тебе-то заказана к Богу дорога!
 Бог тебя выкинул вон из храма,
 а ты соришь Его именем, хам!»
 — Да, он меня выкинул, в самом деле,
 за то и скончался на римском кресте!
 Он там на небе, а я — на земле,
 мы чётко работаем вместе —
 со мною люди воруют и врут,
 а он их за это прощает!
 — Какие люди? — я говорю, —
 Я, например, не ворую!
 — Тогда заплати мной за пиво своё.
 — Я с тобой сделаю что-то другое! —
 Я взял этот доллар, сложил его вдвое,
 поджёг его спичкой и прикурил.
 Доллар съёжился в серой золе,
 а я засмеялся, довольный.
 — Мы верим в Бога! — услышал я шёпот, —
 новенький доллар лежал на столе,
 и мне улыбался наш президент.

DOLLAR

Как известно, американская демократия — самая лучшая демократия, которую можно купить («American democracy is the best democracy money can buy»). США — единственная страна мира, в которой слово «бог» написано на деньгах («In God we trust»).

I sat in a bar, nursing a headache,
 And a dollar whispered “In God we trust!”
 “Look who’s talking!” I gasped.
 “You, double-crossing, slithering snake!
 God threw you out of his good temple,
 but you use his name for your own sake!”
 “Yes, but it wasn’t so simple,
 for that he died on a Roman cross!
 He is up in the sky, I am down on Earth —
 we are working together well:
 people use me to steal and kill,
 and him to become forgiven!”
 “Speak for yourself, sleaze ball!
 I, for example, don’t steal at all!”
 “Then use me to pay for your beer,” he said.
 “I’ll use you for something else!” I growled.
 I folded the dollar on top of the bar
 and fired it to lite my cigar.
 The dollar shrank to an ashen pile,
 I smoked my cigar and smiled.
 “In God we trust!” I heard the same voice —
 a brand-new dollar lay on the table
 and President laughed in my face.

Эпиграфом для моего стихотворения «Чудовище» я взял четыре строки Вильяма Ейтса и честно перевёл их, но в собственной интерпретации взятой темы я был более свободен. Как и Ейтс, я здесь держу ритм без рифмы.

*Какое там страшное чудовище,
чей час, наконец, пробил,
тянется по дороге к Вифлеему,
чтобы родиться?*

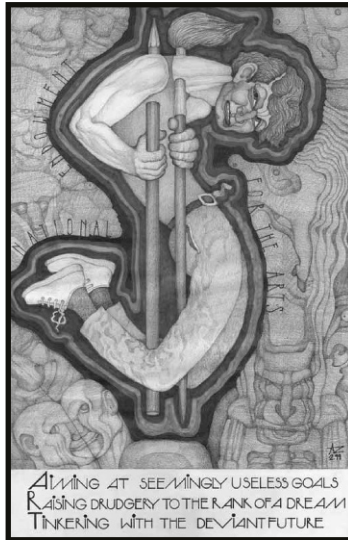
*“And what rough beast,
his hour come round at last,
slouches toward Bethlehem
to be born?”*

Чудовище Нас, мутантный примат,
медленно тянется в мутную даль,
ноги вязнут в песке прошлых лет,
голова — в тумане грядущего.
Голодная птица его мечты
толкает Нас к цветным миражам,
революциям, роботам, войнам,
всему, что для Нас заготовил Бог.
Невероятные чёрные дыры,
глотаю пространство, время и свет,
окружают Нас молчаливой угрозой.
«Кто там? —

кричит он в бездонную мглу, —
Ради Бога, скажите, что делать?»
Молчание. Нету для Нас ответа.

The beast called Us, a mutant primate
slouches toward the great unknown,
legs in the sand of the past,
head in the fog of the future.
The hungry bird of his dreams
pushes Us into colorful visions:
wars, revolutions, robots,
whatever God has in store for Us.
Incomprehensible endless black holes
that swallow light and time
surround Us with a silent threat.
“Hi, there!”

he cries into endless space,
“What do you want me to do?”
Silence is only an answer for Us.

*Преследуя непрактичные цели,
Поднимая обычную жизнь до мечты,
Переделывая туманное будущее.*

Владимир Ленин выступил первым:

— Искусство принадлежит народу!

Линкольн добавил:

— Все люди равны!

— Однако одни равнее других, —

усмехнулся Орвелл и выпил виски.

— Равны чёрта с два! — заметил Дали, —

Искусство принадлежит мастерам!

Остальные — культурные паразиты!

— Искусство — это подавленное либидо, —
сказал Зигмунд Фрейд,

обнимая племянницу.

— А кто подавляет? — спросил Пикассо. —

Пишите весь день, любите всю ночь,

а философия пусть идёт к чёрту!

— Любовь и искусство — одно и то же! —

заявил Боттичелли, целуя натурщицу, —

Искусство — это сплетение тел!

— Искусство есть то, что скажет Конгресс, —

Vladimir Lenin opened the meeting:

“Art belongs to all people,” he said.

Lincoln added:

“All people are equal.”

“But some are more equal than others,”

commented Orwell and sipped his whiskey,

“Equal my eye,” interrupted Dali,

“Art belongs to excellent masters!

Others are all intellectual parasites!”

“What is art but suppressed libido?” —
said Sigmund Freud

and embraced his niece.

“I never suppress it,” said Pablo Picasso,

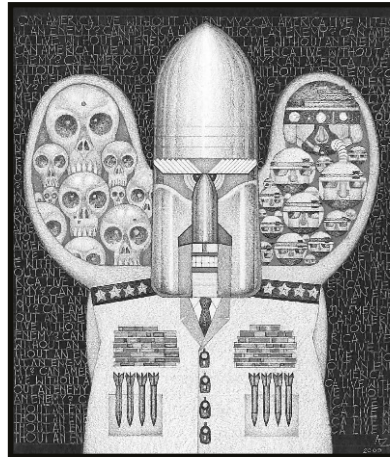
“I paint all day, make love all night,
and don’t give a damn about philosophy.”

“Painting and making love are the same,”

said Botticelli and kissed his model,

“Art is the spirit of sexual strain!”

“Art is whatever the Congress says,”

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Могут ли США прожить без врага?
 Скоро ли будет следующая война?
 Кажутся глупыми эти вопросы, да?
 А кто даст заказы родному заводу,
 да и всему военному комплексу,
 если у нас не будет врагов, а?
 Кто даст работу среднему классу,
 Если врагов нету нигде?
 Кто заплатит за их обучение,
 если не армия и морская пехота?
 Если платить за войны вам неохота,
 Подождите, пока придёт счёт за мир!

MILITARY INTELLIGENCE

Can America live without an enemy?
 Does a new foreign war look eminent?
 Seems to be pretty dumb questions, right?
 But who will pay for lucrative contracts
 With our military-industrial complex
 If we won't have some global foes?
 Who will employ our poor middle class
 If there are no foes?
 Where will poor people get education
 If not in the army, air force, marines?
 You think that wars are expensive?
 Wait till you have to pay for good peace!

Тема этой секции — переводческая мастерская «Пиррово поражение». Предлагаю мою реплику на эту тему. Сначала я написал её по-русски, затем по-английски.

ПОБЕДНОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Звони, Москва, во все колокола!
 Труби в рога, отвори ворота!
 Это я получил приглашение
 на победное Пиррово поражение!
 Плохая победа, быть может, беда,
 ловушка дословного перевода,
 хорошее поражение — это звезда,
 композиция в форме свободы,
 то есть победа. Понятно, да?

Будем пить на пиру переводчиков,
 перепробуем несколько водочек,
 поцелуем залёжанных девочек,
 посетим наше детство и юность,
 Господи, твоя власть!
 Только жалко, что всё это временное
 превращение поражения
 в большую победу скоро пройдёт.
 Что делать, друг мой, что делать?

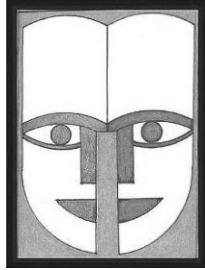
Время, злой гений, сидит на плечах,
 колет стрелками спину.
 Можно с ним спорить, можно кричать,
 но кто остановит его машину?
 Кто не растратил наследие лет,
 тот не пробовал сладкую пену побед
 и железную боль поражений.
 Что ж, господа, попробуем,
 не победим — так хоть пообедаем.

PYRRIC DEFEAT

Ring, Moscow, all your bells,
 blow your horns, open your gates,
 because I received a kind invitation
 to a Pyrric defeat in a foreign nation!
 Sometimes a bad victory turns into terror,
 a trap of the literal interpretation,
 but a healthy defeat can be better,
 may lead to a free composition
 that may be a victory of our mission.

So we will drink at the feast of translators,
 sample several vodka libations,
 tenderly kiss unforgettable ladies,
 visit our childhood and youth,
 God bless this mess!
 Too bad all that great transformation
 from depression into elation,
 will come to an imminent end.
 What can be done, my friend?

Time sits on our shoulders
 scratches our backs with his rusty hands.
 We can argue with him and scream,
 but who will stop his machine?
 He who did not spend the treasures of living
 will not know the sweet foam of winning,
 and the torturous iron of losing.
 So, gentlemen, let us try again —
 if it's not done, at least we will dine.

Literary bridges between political enemies

*“Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet,
Till Earth and Sky stand presently at God’s great Judgment Seat;
But there is neither East nor West, Border, nor Breed, nor Birth,
When two strong men stand face to face, though they come
from the ends of the earth!”*

Rudyard Kipling

Indeed, East and West will not meet until the two greatest languages of the world, English and Russian, find a common language. Building this cultural bridge is a brain breaking enterprise that started long ago and continues to this day. I hope that my contribution to this construction will be appreciated. Unlike most American translators, I consider keeping the original poetry’s rhyme and meter obligatory.

My English writing life began 49 years ago when I emigrated to the United States from the Soviet Union. Ever since I’ve been building my English vocabulary and gradually became a bilingual writer and poet. With 173,000 words English is the richest and virtually global language. Russian is the second most prolific tongue with roughly 150,000 words. English is not phonetic, Russian is. English has 26 Latin letters, Russian — 33 Cyrillic letters, but 6 of them are common to both languages. Both English and Russian are Indo-European languages, but English is the only European language that has no grammatical gender.

So Americans don’t understand why Russian “spoon” (*lozhka*) is feminine, but “knife” (*noz*) is masculine. On the other hand, Russians don’t know why English assigns the privilege of genders only to humans. Why a cat is always a cat regardless of its gender? A dog is always a dog but only a female dog has a special name bitch? Old English did

have grammatical gender, but gradually lost it due to the pressure from old scholars who lost common sense while gaining linguistic complications.

This is only one of many problems translators have. Writing well is hard enough, writing well in two languages is twice as hard. But translating poetry with the original rhyme and meter is a Sisyphean labor that few scribes ever master. Below is my double acrostic pot from the translators' kitchen:

Twisting an alien poetry po**T**,
Rattling its rusty cove**R**,
Assaulting dried out flor**A**,
Nibbling at long gone fu**N**,
Stirring unmatchable sound**S**,
Listening to their jest and gall**L**,
Ambling inside their uncanny aur**A**,
Teetering at the border of trus**T**,
Imagining substitutes for mag**I**,
Offering them to finicky Erat**O**,
Nagging oblivious Pa**N**.

In that kitchen Vladimir Nabokov was one of the best cooks, but while working on Pushkin's "Evgeny Onegin" he got frustrated and declared the poem "untranslatable". Then he wrote a literal translation of it and presented it to his students to prove that literal translation of rhymed poetry doesn't work. Indeed, his version of "Onegin" sounds terrible to anyone who has read the original. Alexander Pushkin wrote his brilliant "novel in verse" in 1833, but no one has translated it into English satisfactorily to this day. Several recently published interpretations of "Onegin" succeed only partially, but at least they tried.

Unfortunately, many American translators have not learned from Nabokov's lesson and forged rhymed Russian poetry into prose. I protested this copout to many people including the editor of Canyon Press Sam Hamill who replied: "I think it's a mistake to insist on rhyming in English... The language is often stilted and the rhyme is predictable." (!?) So according to Mr. Hamill, English language poetry from William Shakespeare to Robert Frost is stilted and predictable? I beg to differ.

For several years I was a member of American Literary Translators Association (ALTA). To my surprise my fellow translators declared that English was incompatible with rhyming (!?). That brazen revision of philology obscured the simple truth: they didn't want or were

unable to work hard enough. They wanted to publish books and their publishers wouldn't wait. So they created the myth of incompatibility.

Thus, a large segment of rhymed and metered Russian poetry has been turned into narrative prose, including Anna Akhmatova's complete poetry collection by Zephyr Press, which was presented at an ALTA conference. One of the attendees at that conference was Joseph Brodsky, the United States Poet Laureate and the hero of the non-conformist Soviet literature who was imprisoned in, and then exiled from the Soviet Union. In Leningrad Anna Akhmatova was not only his favorite poet but also his literary mentor.

Akhmatova's original poems were perfectly rhymed and metered, but Judy Hemschmeyer's prose translations made Brodsky furious. He publicly confronted Ms. Hemschmeyer and accused her of perverting Akhmatova's poetry. That incident did not sit well with the American literary establishment. Several authors called Brodsky a political appointee and an instrument of America's cultural Cold War with the Soviet Union. They also questioned his mastery of English even though he published bilingual poetry.

Later co-director of Zephyr Press James Kates published his own translation of contemporary Russian poets called "In the Grip of Strange Thoughts" which also ignored the original rhyme and meter, typical of Russian poetry. At one of his presentations in Harvard University I criticized Kates' translation for the same reason Brodsky criticized Hemschmeyer's. In response Mr. Kates said that my feet were too small to fill Brodsky's shoes. This may be true, but doesn't justify Mr. Kates' failure.

Unlike Brodsky, I was not a political dissident and was not persecuted in Russia. I worked as an architect and artist and dreamed of American democracy. When I emigrated to America, I was not met with a hero's welcome but survived by doing manual jobs. Between painting houses and sweeping floors in a factory, I learned the American English language and became proficient at it. I have published two books of bilingual poetry, a book of short stories in English and many articles in magazines and newspapers.

ALTA members raised another principle issue: should translation better be done from the foreign to the native tongue or in reverse? "I would never dare to translate into a foreign language!" exclaimed one fellow translator. I dared and still am daring to do exactly that. People often ask me if I think in my native Russian or in my adopted English. The answer is: I think in both languages depending on the situation. While translating other poets I strive to produce an imitation in the target language, but my mind shuttles back and forth to build a bridge between them. Sometimes I start writing in Russian, sometimes in English.

For my book "Responsible Art" I wrote 23 bilingual poems to go with my illustrations. Here is one:

ЧУДИЩЕ

*И что там за страшное чудище,
чей час наконец пробил,
тянется по пустыне к Вифлеему
чтобы родиться?*

Вильям Батлер Ейтс

Чудище Нас, мутантный примат,
медленно движется в неизвестность,
ноги его — в песке прошлых лет,
голова — в тумане грядущего.
Голодная птица его мечты
ведёт Нас вперёд к голубым миражам —
к революциям, роботам, войнам,
к земному ли раю, к концу ли света, —
всему, что готовит судьба или Бог.
Непонятные чёрные дыры,
глотаю пространство, время и свет,
окружают Нас молчаливой загадкой.
“Кто там?” — кричит он в бездонную мглу,
но нету для Нас ответа.

THE BEAST

*And what rough beast,
his hour come round at last,
slouches toward Bethlehem
to be born?*

William Butler Yeats

The beast is called Us, a mutant primate
that slouches toward the great unknown,
legs in the sand of the past,
head in the fog of the future.
The hungry bird of his dreams
pushes Us toward surreal visions:
wars, revolutions, robots,
a heaven on Earth, the end of the world,
whatever may God have in store.
Incomprehensible black holes and stars
that swallow light and time
surround Us with a silent puzzle.
“Hello, there!” he cries into space,
but there is no answer for Us.

I wrote this poem first in English because I was inspired by the Yeats' famous poem. Then I had to translate my English poem into Russian. This was not so difficult as the Yeats' and my poem were unrhymed (yet had a definite rhythm). Who should tell a bilingual poet to stick to his native tongue?

In the Newton Free Library, in Massachusetts I organized a series of bilingual readings called “Cultural Bridges” over a period of eight years. I read Russian poetry and songs in both languages and invited other poets and singers. The audience was filled with both Russian and English native speakers. My translations were not always perfect but always followed the sound and sense of the originals. Remembering Nabokov's lesson, I never produce a literal translation of a rhymed poem, but keep working on it until “the poets pale and glaring head” starts smiling at me and gaining color.

The construction of my cultural bridge between the English and Russian languages and cultures is not finished and perhaps it never will be, but hopefully, other translators will complete it. I am happy for doing my best under difficult political circumstances.

For this book I translated selected poems from each of 17 famous Russian poets of the 19th and 20th centuries: Alexander Pushkin, Mikhail Lermontov, Alexander Blok, Marina Tsvetaeva, Anna Akhmatova, Osip Mandelstam, Boris Pasternak, Nikolai Gumilev, Vladislav Khodasevich, Vladimir Mayakovsky, Sergei Esenin, Joseph Brodsky, Alexander Galich, Evgeny Evtushenko, Victor Nekipelov, Novella Matveyeva and Bulat Okudzhava. All their poems are syllabic, rhymed and metered, so it was especially difficult to find parallel sounds and meanings in English. I hope that readers will appreciate my efforts.

Interestingly, four of these poets: Osip Mandelstam, Vladislav Khodasevich, Boris Pasternak and Alexander Galich were of Jewish decent, but converted to Russian Orthodox Christianity, either in childhood, or later in life. That conversion certainly helped their literary careers even after the Bolshevik revolution of 1917. In Europe and Russia conversion of Jews into Christianity began long ago and continues to this day. As a Russian proverb says: “A baptized Jew is a forgiven thief” (“Жид крещённый — вор прощённый”).

The most famous opponent of Russian Christianity was Vladimir Mayakovsky, “the greatest poet of the Revolution”. But even his poetry is full of religious innuendos and references such as this one (translation is mine):

Время, хоть ты хромой богомаз,
имя моё намалюй в божницу уродца века.
Я одинок, как единственный глаз
у идущего к слепым человека.

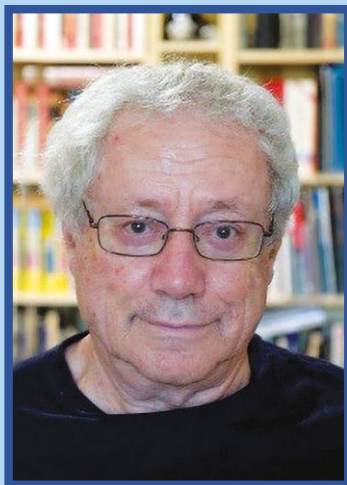
Time, at least you, crippled painter of icons,
paint my name in the altar of our ugly time.
I am as lonely, as the only eye
of a man who comes to the blind.

Sadly, Mayakovsky’s prophetic eye didn’t foresee the restoration of autocracy in his country. When he saw how Stalin was destroying the achievements of the revolution, Mayakovsky committed suicide. If he hadn’t killed himself, he’d probably had been arrested and jailed. Instead, Stalin used Mayakovsky to promote the revolution all the while killing its leaders. A large statue of Mayakovsky stands in Moscow as a monument to the murdered Russian democracy.

That murder took many years and ended in 1991 with the dissolution of the Soviet Union. That sudden (and still unexplained) transformation happened when Russia switched from Marx to Jesus and from crony socialism to crony capitalism. Incredibly, most of Russian intelligentsia, both inside and outside of the country, embraced the new regime that imported plutocracy under the guise of democracy and Christianity.

A few blocks from Mayakovsky stands a statue of another fighter against Russian autocracy — and another victim of it — Alexander Sergeevich Pushkin, “the sun of Russian poetry”, the most noble man of the Russian nobility.

Анатолий Цукерман эмигрировал в Соединённые Штаты Америки в 1973-м году, но продолжал творческие связи между Россией и Америкой в течение многих лет. Анатолий опубликовал книгу рассказов «Город Ньюдум» (Амазон, 2015) на английском, две книги двуязычной поэзии, несколько антологий и статей и участвовал во многих группах писателей и художников.

Anatol Zukerman emigrated to the United States in 1973 in search of democracy and prosperity, but continued cultural connections between his native Russia and adopted America during many years. He published a book of selected stories «The City of Newdoom» (Amazon, 2015) in English, two books of bilingual poetry, several anthologies and articles and participated in many writers' and artists' groups.

Книга «**ДВУЯЗЫЧИЕ**» — результат полувековой трансформации между русским и английским языками, проделанной писателем, переводчиком и учителем Анатолием Цукерманом.

В отличие от большинства американских переводчиков, он трансформирует русскую поэзию на английский язык согласно с размерами и рифмами оригиналов, сохраняя таким образом музыку их композиций. Эта книга должна быть интересна всем, кто хочет преодолеть языковые, культурные и политические барьеры между этими странами.

This book — «**BILINGUALISM**» — is a result of the 50-years-long transformation between English and Russian languages by Anatol Zukerman, an architect, artist, writer, poet, translator and educator.

Unlike most American translators, Mr. Zukerman transforms Russian poetry into English preserving the rhymes and meters of the originals, which saves the music of their compositions. This book should be of interest to anyone who wants to overcome the language, cultural and political barriers between these countries.

ISBN 978-1-950319-93-0
90000 >

9 781950 319930